

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Документальная повесть

III ЕЛ 1941 год Фашистские полчища вышли на подступы к Москве и Ленинграду, захватили Киев, Минск и Смоленск. Над нашей Родиной нависла смертельная опасность. Но временный успех коварного врага не сломил воли советского народа. По призыву Коммунистической партии, по зову сердца он поднялся на священную борьбу. В тылу фашистских армий стало бурно расти и шириться партизанское движение.

Особенно активными и надежными помощниками Советской Армии показали себя партизаны в битве за Ленинград. Их соединения и отряды действовали на важнейших коммуникациях немецко-фашистских войск, смело громили гарнизоны оккупантов. А на территории бывшего Белебелковского и Поддорского районов Новгородской, Дедовичского и Ашевского — Псковской областей образовался целый Партизанский край.

Коммунистическая партия многое сделала, чтобы придать партизанскому движению ясную целенаправленность, строгую дисциплину, гибкую тактику, обеспечить его политически закаленными, смелыми и знающими военное дело людьми. Только Ленинградский областной комитет партии в первые три недели войны подготовил и направил в оккупированные районы 68 коммунистов для организации подполья во вражеском тылу.

О деятельности одной из таких организаций, руководимой Павлом Афанасьевичем Васькиным, и рассказывается в данной повести.

Автор благодарит за помощь в сборе материалов и документов о Волотовском подполье майора УКГБ по Новгородской области В. П. Михеева, старшего научного сотрудника Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника Ю. В. Смирнову, друзей и родственников подпольщиков.

30-летию подвига волотовских подпольщиков посвящается.

«ОСТАЕТЕСЬ В ТЫЛУ...»

Васькин вошел в кабинет секретаря Ленинградского обкома партии Бумагина, поздоровался. Тот, окинув взглядом его крепкую, ладную фигуру, пригласил сесть.

— Хотим поручить вам ответственное и опасное дело, — сообщил секретарь. И сразу же спросил: — За Старой Руссой бывали?

— Работал учителем в Поддорском районе. Затем инструктором райкома...

— Это хорошо. Значит, с условиями тех мест знакомы.

— Я бы хотел на фронт...

— К сожалению, он там скоро будет. Вас решено назначить руководителем подпольной агитационно-разведывательной организации. Поезжайте не медля. Пока немцы туда не пришли, необходимо там прижиться. Какое знаете ремесло?

— Приходилось столярничать, да и в сапожном деле малость смыслю.

— Устройтесь работать по одной из этих специальностей.

Бумагин подошел к карте, обвел кружком Волотовский район, сказал:

— Это район действий вашей организации. Все добытые сведения передавать в обком партии через партизанский отряд. Работать будете с ним в тесном контакте.

— Где расположен отряд?

— Его пока нет. Но как только придут немцы, партизаны вас найдут. А сейчас зайдите в учетный отдел, сдайте партбилет и другие документы. Получите подробный инструктаж.

ВРАГ ПРИШЕЛ

Уверенно и легко шагал Васькин по знакомой тропинке к деревне Верехново. На околице огляделся. Солнце еще не зашло за горизонт, а на улице уже ни души. Село словно вымерло. На домах, заборах и столбах виднелись какие-то листки. Павел Афанасьевич подошел к ближайшему из них: немецкое объявление. Стал читать:

«1. Кто укроет у себя красноармейца или партизана, или снабдит его продуктами, или чем-либо ему поможет (сообщив ему, например, какие-нибудь сведения), тот карается смертной казнью через повешение. Это постановление имеет силу также и для женщин. Повешение не грозит тому, кто скорейшим образом известит о происшедшем ближайшую военную часть.

2. В случае, если будет произведено нападение, взрыв или иное повреждение каких-нибудь сооружений германских войск, как-то полотна железной дороги, проводов и т. д., то виновные... будут в наиздание другим повешены на месте преступления...».

Васькин направился к дому председателя сельсовета Тихова. У двери его встретил хозяин — худощавый мужчина с черными густыми усами. Поздоровались. Тихов приветливо улыбнулся, пригласил гостя в избу. Сели за стол на кухне. В окно была хорошо видна улица.

— Как идет жизнь при немцах? — спросил Васькин.

— Пока не трогают, только объявления расклеили. Верно, когда фронтовые части проходили, то двоих мужчин, якобы партизан, повесили. Кур, гусей и свиней многие наши недосчитались. А сейчас в деревне ни немцев, ни полицаяев. Старосты ведут себя тихо.

— Михаил Тимофеевич, пришло время браться за работу.

— А именно?

— Знать в деревнях вашего и соседних сельсоветов расположение немцев, их численность, вооружение, данные о складах и их охране, нет ли поблизости аэродромов, кто поступает на службу в полицию, где их штаб, кто им руководит. В общем, все, что может понадобиться партизанам и Красной Армии.

— Это все мы уже разведали. Ни в нашем, ни в Старском сельсоветах немцев нет. Раза два в неделю наезжает группа полицаяев, человек 5—6, и то проездом. Один полицай живет в деревне Клопцы. В соседних сельсоветах немцы есть. В Сутоках — 50 солдат, в Мелочеве — около 200. Бывали наши люди и в Старорусском районе. Установлено, что в деревне Чудиново квартируют 150 солдат, а в Дуброве штаб части...

— Ну, молодцы, — похвалил Васькин. — Я вижу, ваша группа не растерялась. А вот в Славитине получилось хуже.

— А что такое? — насторожился Тихов.

— Иванов наотрез отказался работать, никакие разговоры не помогли, да и с Клепиковой из Селецкого сельсовета пришлось распрощаться. Оба трусили. Но остальные, как и вы, уже работают.

— А нас они, того, не подведут?

— Исключено. Они знают только меня. Ну, а как насчет пополнения группы?

— Есть на примете один парень.

— Учитель Супенко, комсомолец, пытался в партизаны уйти. Думаю дать задание.

— Будь осторожен. Помни, ты — председатель сельсовета. За тобой фашисты сразу же наблюдение установят. Листовки и газеты от партизан поступать будут к тебе. Но сам их не распространяй: это дело других. Для связи с тобой какой пароль им дадим?

— «Луга».

— Согласен.

— Надолго у нас задержишься?

— Как рассветет, в Должино пойду.

— Смотри, там в школе и в соседних с ней домах немцы живут, задерживают всех прохожих. И, если местный староста не подтвердит, что человек ему знаком, то вздергивают прохожего на перекладину. Так что лучше туда идти ночью.

— Спасибо за совет. Около Славитина меня уже раз задержал немецкий патруль. Хорошо, два колхозника подтвердили, что я местный столяр. Я действительно в их деревне несколько дней назад рамы мастерил. Так что отпустили. Все же теперь хожу не дорогами, а тропинками.

— Может, оружие надо? Я могу карабин дать.

— А у тебя их много?

— Да есть... После боя ходили по окопам, собрали. Я все сложил в подвал школы, а на дверь замок повесил.

— Дай-ка ключ мне. И не удивляйся, если завтра ночью оружия в школе не окажется.

(Продолжение следует).

Виктор ЛУКИН

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Документальная повесть

(Продолжение. Начало в № 86).

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Августовская ночь. Тихо в деревне Должино. Изредка где-то твankнет собака — и вновь ни звука. Прежде чем войти в село, Васькин долго вслушивался. Потом огородами подошел к дому Александра Немкова, разглядел условный сигнал «все спокойно», осторожно стукнул несколько раз в раму.

В коридоре зашкрипели половицы.

— Кто там?

— Из города, от «Орлова».

Брякнула щеколда, и ночной гость вошел в приоткрытую дверь.

— Заходите, чужих нет. Сейчас копилку зажгу, — пригласил Немков.

— Не надо огня. Поговорим здесь, — остановил его Васькин.

— Что нового у вас?

— Немцы мародерничают. Сходку недавно собрали, старостой Егорова назначили. Вроде наш — односельчанин, а как стал повыше других, только и слышно: «Господа немцы велели... Этого нам господин урядник не простит...». Сволочь. Лебезит перед фрицами, как шелудивый пес. А в Соловьеве, что в нескольких километрах от нас, Фишина старостой назначили. Народ очень жалуется на него.

Коммунист Михаил Тимофеевич Тихов — председатель сельсовета, один из руководителей Волотовской подпольной разведывательной организации.

снял и спрятал, всю линию вывел из строя, а теперь что, восстанавливать?

— О коммутаторах и проводах никому ни слова, — успокоил его Васькин. — Работать будешь так, чтобы за одну ночь всю связь можно было вывести из строя. Да, кстати, партизаны в оружии нуждаются. Если что можно достать — сообщите. — И уже в дверях тихо спросил: — Второго связного подобрали?

— Да, кроме Татьяны Ефремовой, будет ходить и Миша Васильев. Это пионер, сын учительницы Нины Павловны. Смешливый паренек.

УХОДИЛИ В ПОХОД ПАРТИЗАНЫ

Первого августа 1941 года около сотни вооруженных партизан продвигались от Старой Руссы к деревне Вязовке Белебелковского района — месту их будущих действий. Это шли бойцы вновь созданной Второй партизанской бригады. Вел их комбриг Николай Григорьевич Васильев, бывший начальник Дома Красной Армии в Новгороде, и комиссар Сергей Алексеевич Орлов, деловитый, горячий, до войны работавший секретарем Порховского райкома партии.

Растянувшись цепочкой, народные мстители шли осторожно через леса, болота, обходя стороной деревни.

В назначенное место прибыли вовремя. Сразу же установили контакты с действующими в окрестных лесах партизанскими отрядами. За короткий срок вокруг 2-й бригады объединились партизаны Порхова и Дна, Белебелки и Поддоря, Дедовичей...

К началу сентября в бригаде было уже около 800 человек. Взяв командование над присоединившимися отрядами, Васильев каждому из них определил сектор деятельности. Большое внимание уделял разведывательной и пропагандистской работе в тылу немецких войск.

С Волотовским подпольем штаб партизанской бригады сразу же установил тесную связь. Васильев лично встречался с Васькиным, помогал ему советами, ставил задачи.

Вот и в этот вечер, когда Павел Афанасьевич прибыл в штаб бригады, Васильев пригласил его к себе, долго и подробно расспрашивал о делах организации, о нуждах подпольщиков. Затем заговорил сам:

— Первые успехи у нас имеются: бригада выросла почти в десять раз, отвоевываем не только отдельные деревни, но и целые сельсоветы. Народ верит нам и поддерживает. Однако и трудностей немало. Не хватает оружия и боеприпасов, разведка оставляет желать много лучшего. Мы надеемся, что вы возьмете под свой контроль не только Волотовский район, но и весь участок от Порхова до Старой Руссы. Надо сделать так, чтобы мы о немцах знали все.

— Постараемся, — пообещал Васькин. — Создадим свои группы в Дновском и Порховском районах.

— Дошли слухи, что кто-то в вашем районе сжег два дома предателей, — продолжал Васильев. — Наши люди такого задания не получали. Если это дело рук твоих ребят — то дай команду прекратить, иначе немцы быстро вас нащупают. Давай договоримся так: если надо кого из предателей убрать или наказать, сообщи нам. Мы выйдем на время группы в твоё распоряжение, пусть она и действует. Договорились?

Васькин радостно улыбнулся в ответ.

— Ну и хорошо. А насчет твоей просьбы по поводу свежих газет и листовок поможет Сергей Алексеевич. Он скоро вернется в штаб.

ПОДАРОК

Когда на другой день после встречи с Васькиным Немков пришел в деревню Большие Гривы к бывшему учителю — члену подпольной группы Иванову, тот перебирал библиотеку.

— Чем занимаешься? — спросил Александр.

— Кое-что решил припрятать, а то не ровен час, полицаи нагрянут.

Немков бережно поднял со стола томик Ленина.

— Я к вам по делу, Александр Иванович. — И рассказал о ночном разговоре с Васькиным.

— Сведения будут, — заверил Иванов. — Связь с нашими в сельсоветах налажена. Помнишь бывшего уполномоченного «Лензаготторга» Петра Мановского? Немцы его начальником управы в Волоте назначили. Видно, сволочь закоренелая. Но не в этом дело. Недавно встретил он меня, предложил работу в управе. Думаю воспользоваться приглашением.

— Это дело, — поддержал Александр.

Ни Немков, ни Иванов даже не подозревали, что Мановский лишь для маскировки назначен начальником Волотовской управы. На самом деле он — резидент тайной полевой полиции, разведчик-профессионал, завербованный немцами еще во времена его службы офицером в царской армии.

— А с оружием труднее, — проговорил Иванов. — Правда, кое-что есть в сарае предателя Зимина: туда немцы трофейные винтовки сложили. Но как их взять? На дверях — замок, а перед сараем день и ночь часовая.

(Продолжение следует).

Виктор ЛУКИН

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Документальная повесть

(Продолжение. Начало в №№ 86, 87)

— Этот сарай я знаю, — проговорил Немков. — В задней стенке у него окошечко есть. Взрослому не пролезть, а малец, пожалуй, проскользнет. Да и часовой не только сарай охраняет, у них там в стороне еще какие-то машины под брезентом стоят. Он больше около них вертится.

— Что предлагаешь?

— Взять на это дело Мишу.

— Надо прежде с Ниной Павловной посоветоваться.

НОЧЬ выдалась светлая. Редкие облака лишь на короткие мгновения закрывали луну. Порывистый ветер приглушенно шумел листвою.

К сараю осторожно крались Немков и Миша — высокий плечистый парень и шупленький мальчик. Сырая от недавних дождей земля скрадывала шорохи. Миша был горд, что шел на такое серьезное дело с Немковым. Он, как и все другие ребята, души не чаял в Александре — первом силаче, справедливейшем человеке в их селе.

Еще днем, когда немцы пьянствовали, Немков выдал слабодержавшуюся раму в окошке сарая. И теперь ее можно было снять без шума.

Вот и сарай. Когда часовой выходил из-за угла, Немков и Миша видели его неясный силуэт. Выждав, когда очередная тучка закрыла луну, Александр бесшумно снял раму. В следующий момент в темное отверстие пролез Миша. Вскоре Немков принял первую винтовку, вторую, третью...

Наконец, в окне показалась голова мальчика.

— Все, — тихо прошептал он.

К утру оружие было скрыто в тайнике.

— Запомни это место, Михаил, — сказал Немков. — Воз-
можно, ты и будешь передавать наш подарок партизанам.

ОЗЕРО было беспокойным. Крупные волны с шумом ударялись о берег, обдавая ноги мальчика брызгами. Рыба клевала плохо. Но Миша терпеливо сидел с удочкой. Пошел второй час. И когда за спиной мальчика неожиданно раздался мужской голос: «Давно сидишь, рыбак?», — Миша вздрогнул, оглянулся.

Перед ним стоял широкоплечий среднего роста мужчина. Его открытое лицо дружески улыбалось.

— С утра потягиваю, — быстро произнес паролем мальчик.

— Ну, Миша, что ты мне принес?

Миша торопливо снял патрон, который был надет на удочку вместо рукоятки, вынул из него записку и протянул её Васькину. Тот прочитал:

«Сообщаем, что в Городцы прибыло несколько танков и три танкетки, которые двигаются к Шимску. В Волоте 500 немцев и около 100 автомашин. В двухэтажном доме, стоящем между школой и железнодорожной станцией, размещен штаб немецкой воинской части. В здании льнозавода устроен склад боеприпасов... Движение немцев сейчас происходит от Руссы по дороге на Порхов. Род оружия — винтовки, автоматы. На станции Морино немцы устроили большой склад с оружием, боеприпасами, обмундированием и продовольствием. В Старорусском районе по-прежнему стоят в деревне Чудиново 150 человек. Много немцев во Взглядах, Горках... Полиция вооружена только винтовками, граваты стали появляться, а раньше не было...».

— Спасибо, Миша, — проговорил Васькин. — А теперь дай твою торбу.

Павел Афанасьевич сунул в сумку две пачки листовок. Сверху положил несколько больших ломтей хлеба.

— А теперь спрячь-ка этот листок. Передашь Немкову. За винтовки большое спасибо от партизан. Но чтоб без моего согласия больше не рисковали.

СХОДКА

В полдень жителей Должина выгоняли на сходку. Александр Немков шел рядом с Мишей и с беспокойством думал: «Неужели оружия хватились? Ведь немцы в этот сарай не заглядывают».

Но тревога его была напрасной. Староста Егоров только что прибыл из Волота, где получил инструктаж от Мановского, и спешил его выполнить. Он зачитал приказ немецкого коменданта капитана Гепарта, в котором каждый пункт начинался словами «жителям воспрещается», а заканчивался неизменными словами «расстрел» или «карается смертной казнью через повешение». Особенно Егоров выделил пункт, где говорилось, что жителям категорически запрещается общение с партизанами. За связь с ними все селение подвергнется полному уничтожению. Приказ приводится в исполнение при малейшем подозрении.

Прочитав бумагу, староста угрожающе заговорил: «А ведь в деревне есть такие сердобольные — придет ночью партизан, а ему и хлеб, и сало, и за солью к соседям сбегает — все готовы отдать. Так вот, запомните, кто попадется теперь — головы не сносить. Поняли?!».

Все угрюмо молчали. Но вот к Егорову через толпу пробился Немков, сурово взглянул на него, заговорил:

— Слушал я тебя и думал, а наш ли это мужик говорит, уж не подменили ли его? Ты неужто хочешь выслужиться перед фашистами?

— Хошь бы и так, — огрызнулся Егоров.

— Смотри, это твое дело, но я лично русских людей продавать не собираюсь и отдам последний кусок хлеба, если его попросят партизаны. Думаю, что и другие не откажут.

— Прекратить агитацию! — визгливо закричал Егоров. — Ты знаешь, что тебе за это будет, если узнают в комендатуре?

— Это не агитация, а правда, а насчет комендатуры — кроме тебя, никто не донесет, — бросил в ответ Александр и пошел в толпу.

— Смотри, Сашка, если ты или кто другой уйдет к партизанам, то знайте: немцы с вашими семьями расправятся, — с раздражением выкрикнул Егоров вслед Немкову.

После сходки люди расходились кучками, тихо переговаривались:

— Слышал? Около станции Дно эшелон с немцами под откос пустили...

— А в Горушках пятнадцать фрицев на тот свет отправили...

— В Поддорье-то партизаны немецкий гарнизон разгромили...

Егоров шел один: его сторонились. Около дома навстречу старосте вышел невысокого роста мужчина.

— Ты Егоров?

— Да, я староста Егоров. А ты кто такой? Документы!

— Есть, — последовал тихий ответ. Незнакомец, чуть высунув из кармана рукоятку пистолета, проговорил:

— Запомни, если будешь у немцев выслуживаться, да, не дай бог, кого выдашь — я еще раз приду, но разговор будет коротким.

— Да что вы! Разве на мне креста нет, — залепетал Егоров.

— Я такой же, как и все...

Однако когда незнакомец скрылся за огородом, Егоров подумал: «Прав был Мановский, так и кокнуть могут. Надо создавать в деревне свой полицейский отряд. Так будет спокойней».

(Продолжение следует).

Александр Иванович
Немков — монтер,
член Волотовской подпольной
разведывательной организации.

Виктор ЛУКИН

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Документальная повесть

(Продолжение. Начало в №№ 86—88).

ВСТРЕЧА ПАТРИОТОВ

Вечером Васькин подошел к дому Немкова. Разглядев повешенную на условленное место косу—знак «все спокойно», без стука вошел в избу. Здесь его ждали. За столом сидели Александр, его старшая сестра Анна Ивановна Иванова, Татьяна Ефремова, Нина Павловна Васильева и Мария Михайловна Матвеева. По-здоровались.

— Как дела в Дно? — спросил Павел Афанасьевич, обращаясь к Татьяне.

— Побывала. Встретила знакомых. Теперь можно в любое время к ним ехать, — ответила девушка, и вынув сложенную бумагу, подала Васькину.

— Здесь подробно все описано.

— Ну, а как настроение у населения?

— Плохо. Многие подавлены. Немцы там газету на русском языке выпускают, я сама ее читала. Страшно поверить, что в ней написано. Мол, Советское правительство из Москвы уже выехало в Иран, все наши войска разбиты и никогда больше не поднимутся, что Ленинград держится последние дни...

— Все это брехня, — твердо сказал Васькин. — Я вчера сам слушал передачи из Москвы. Конечно, положение тяжелое, бои идут под Клином и Калинином, но армия наша героически борется, ей помогают партизаны и все население. Да и мы не стоим в стороне. Это по нашим данным советские летчики разбомбили штаб немцев в Волоте и склад боеприпасов в Морине. А

вы знаете, как действуют наши соседи — партизаны? От Старой Руссы до Дедовичей люди взялись за оружие. Здесь земля горит под ногами оккупантов. Рано или поздно немцы везде будут разбиты. Нам же надо активизировать свою работу. Газеты и листовки с последними известиями должны регулярно появляться во всех сельсоветах. Пусть население знает нашу правду, услышит голос нашей партии и правительства. Сейчас для людей нужны надежда, вера в победу, что-

Татьяна Ефремова — восемнадцатилетняя комсомолка, учительница, член Волотовской подпольной разведывательной организации.

бы не сломилась их воля перед фашистами. Мы должны усилить пропаганду и агитацию.

— Нам бы побольше печатных листовок, — заметила Нина Павловна. — От руки много не написать.

— Я принес несколько пачек, думаю, теперь они нам будут поступать в нужном количестве.

Васькин вынул из-за пазухи листовки и несколько газет.

Немков взял одну из листовок, быстро пробежал глазами, стал читать вслух:

«Братья! Выходите мстить немецким мерзавцам! Организуйтесь в партизанские отряды. Берите в руки оружие! Помогите Красной Армии и партизанам бить фашистов! Пускайте под откос воинские эшелоны! Взрывайте мосты и переправы! Рвите телефонную и телеграфную связь!..»

Поднимайтесь все от мала до велика на священную борьбу против немецких поработителей! Изгоним коварного врага с нашей русской земли! Завоем нашу победу!

Смерть немецким оккупантам!»

Закончив читать, Немков, торжественно взглянул на Васькина, горячо заговорил:

— Правильно здесь сказано, надо идти в партизаны, бить гадов.

— Постой, постой, — Васькин перебил Александра. — Что ж, по-твоему, разведывательная и агитационная работа в тылу врага — ничто? А ты знаешь, что не каждому доверяют это опасное и ответственное дело? Самых надежных, самых дисциплинированных и бесстрашных людей отбирают в разведку. Мы должны гордиться, что нам, именно нам, поручен этот участок работы.

— Да я не против разведки и агитации, — остывая, заговорил Немков. — Для меня было бы легче встречаться с гитлеровцами лицом к лицу с оружием в руках.

— Ничего, придет время, и мы повоюем, а сейчас в штаб армии и партизанам мы должны давать самые точные сведения. Морально поддерживать население — тоже наша забота.

Александр вышел из дому вслед за Васькиным. Пройдя несколько шагов, просяще заговорил:

— Павел Афанасьевич, разреши завтра хоть денек поработать с карабином.

— В чем дело?

— Узнал я, что завтра из Должина немцы направят к своему начальству три подводы с продуктами. Они пойдут через деревню Фекино, а перед ней есть очень удобное место для засады. Мы бы с Василием Еремеевым и его шурином их встретили.

— А что это за шурины, надежен ли?

— Надежен. Красноармеец Федор Родионов. Его Василий раненым на поле боя подобрал. Сперва прятался на чердаке. А сейчас всем говорит, что шурины, мол, приехал. Соседи тоже «признали» его.

— Все, что ты рассказал, конечно, заманчиво, но для вас с Еремеевым не подойдет. Вам нельзя рисковать. Но ты не горюй. Подводы будут наши. За вас партизаны поработают.

Прощались. Не успел Васькин сделать и десяти шагов, как из-за поворота вышел Егоров. Посмотрев на Немкова, потом на удаляющегося Васькина, спросил: «Кто это? Я его что-то не припомню».

— Такой же человек, как и мы с тобой. Прикурил и пошел себе.

Егоров подозрительно посмотрел на Александра. Он недолюбливал монтера, да и побаивался его за крутой нрав и силу.

Встретив на улице своих подпевал — Зимина, раскулаченного при Советской власти, и Сотова, Егоров остановил их:

— Подождите, дело есть. Вы живете по соседству с Немковым, возмите-ка его под наблюдение. Главное — узнать, кто к нему ночью ходит. За мной не пропадет.

— Сделаем. Мышь, и та незамеченной не проскочит...

* * *

ЧЕРЕЗ ДВА дня старосту Егорова и его помощника Алексея Еремеева вызвали в штаб немецкой части, что был расположен в Должинской школе.

— У нас пропали три солдата с подводами. Можете ли вы узнать, куда они делись? — спросил у них через переводчика немецкий офицер.

— Дайте мне их маршрут, и я найду, — заверил Еремеев.

— Да, да, он это сделает, — угодливо улыбаясь, поддержал своего помощника Егоров.

— Очень хорошо. А сейчас примите аванс, — и переводчик подал старосте бутылку с водкой и тарелку с закуской.

Наутро Еремеев был уже в деревне Фекино. Встретив знакомую женщину, поинтересовался:

— Давно ли здесь были партизаны?

(Продолжение следует).

Виктор ЛУКИН

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Документальная повесть

(Продолжение. Начало в №№ 86—90).

Старосте Егорову не спалось. Не зажигая огня, он тихо вышел на улицу. Вдруг до него долетели слова песни. От неожиданности. Егоров остановился, повертел головой, словно прищипываясь. И, определив, что песня неслась из крайнего дома, стал осторожно к нему подкрадываться.

От калитки к дому метнулся мальчонка. Он стукнул в окно и кинулся за двор.

«Никак Мишка, сын учительки?» — подумал Егоров, открывая калитку. Перед самым его носом внезапно распахнулась дверь, и из дома вышел Немков.

— Тебе чего?

— Поют здесь, — растерялся от неожиданности Егоров. — Нельзя петь, запрещено.

— Это для тебя, гад, запрещено, — придвинулся Немков вплотную к старосте.

«Убьет», — зная крутой нрав Немкова, подумал Егоров и, заикаясь, проговорил:

— Да я ничего, Саша. Только поберегись бы..

— Ну и убирайся отсюда, если боишься за свою шкуру!

Старосту от дома как ветром сдуло.

На другой день ни в Соловьеве, ни в Должине, ни в других деревнях люди на работу не вышли. Рассвирепевший Мановский лично выезжал в деревни с отрядом полицейских, чтобы плетью выгнать население на работу.

А через два дня поздно вечером часть парней и мужчин из этих деревень ушла в сторону леса. Среди них были «шурин» Василия Еремеева — Федор Родионов, Роман Карпухин и другие. Вел их Миша

Васильев. Вернулся домой глубокой ночью один.

— Отвел? — спросила Нина Павловна, вынимая из карманов сына тугие пачки листовок.

— Все в порядке, — усталым голосом ответил тот. — Командир предлагал остаться в отряде. Но я, мама, всегда с тобой буду.

«ПОДАЙТЕ ГОЛОДНОМУ!..»

Немецкие интенданты отобрали у населения и увезли почти все припасы. Редко у кого имелся ржаной хлеб пополам с отрубями. И все же, когда приходили партизаны, с ними делились всем, чем могли: последним куском хлеба, картофелиной, сухарем.

Как-то днем в Должине около дома Марии Матвеевой собралось несколько женщин. В это время на дороге показался незнакомый мужчина, в заношенном пальто и шапке. Заметив женщин, он свернул с дороги.

— Подайте голодному!.. — начал он просяще.

— А ты кто такой?

— Я-то? Военнопленный.

— Что-то не похоже, — заметила Матвеева. — Военнопленных под конвоем водят. — Разглядев румяное лицо нищего, с гневом сказала: — И не стыдно тебе у старух и стариков побираться, а? Шел бы лучше к своим в лес да оружием и отбирал у немцев наш хлебушек...

— А сама что не идешь? — зло огрызнулся мужчина.

— И пошла бы, если бы за подол двое не держались...

— Коммунистка, наверное? — спросил он у женщин, показывая глазами на Матвееву.

— Русская я, — твердо ответила та.

НОЧЬ. В деревне Городищи, что расположена в нескольких километрах от Должина, давно погасли огни. На холме чуть в стороне от села — темный силуэт небольшого домика Андреевых. Хозяин давно спал, двое ребятишек тихо посапывали на печи, а жена все еще бодрствовала у окна.

«Когда же кончится эта окаянная война?» — думала она, вслушиваясь в завывание ветра на улице. Внезапный толчок под самое сердце заставил ее охнуть. Обхватив руками живот, женщина искаженным от боли лицом прижалась к стеклу. Постепенно боль утихла. Александра Павловна растерянно улыбнулась. Но вновь зародились беспокойные, тревожные мысли. Да, раньше каждый новый ребенок был радостью в семье. Сейчас и этих-то двоих кормить нечем. А что будет дальше?..

Перед окном мелькнула тень. Женщина вздрогнула, стала всматриваться. Разглядела черную шапку, мужское лицо, прильнувшее к стеклу. Человек осторожно постучал и почти шепотом проговорил: «Мамаша, не бойся, я свой, откройте».

— Что тебе?

— Я партизан. Мне бы хлеба. Давно ничего не ел.

— Мы и сами-то хлеба не видим. Хочешь картошки? — и, не дожидаясь ответа, подошла к кухонному столу, выложила из чугуна в миску вареные картофелины, понесла к двери. Как только щелкнула задвижка, под напором сильных рук дверь распахнулась. Вошли пятеро вооруженных мужчин.

— Мы чуть погреемся и уйдем, — успокоил женщину один из вошедших.

Александра Павловна поставила миску на стол, нащупав рукой лампу и спички, приготовилась зажечь свет.

— Только не зажигайте огня, — предостерегающе предупредил мужской бас, — полицаи увидят, будет всем плохо. Лучше покажите, где храните продукты.

— Да у нас все здесь, — указывая на кухонный стол, проговорила женщина.

— Саша, кто пришел? — спросил жену проснувшийся хозяин.

— Тихо, не вставать! — властно приказал все тот же бас. В это время двое заглянули под кровать, за печь, зачем-то слазили на чердак. Другие, прислонив винтовки к печи, складывали в мешок все съестное, что им попадалось под руки.

Хлопнула дверь в сених, затем хрустнула под чьим-то тяжелым сапогом сухая ветка, и все смолкло.

Владимир Андреевич встал, накинул на плечи пальто, вышел в коридор. Закрыв дверь, ожоге лампу, заглянул в стол. Продуктов не было. Тогда сел жены, обнял ее за плечи, и, стараясь успокоить, заговорил:

— Ничего, Саша, мы-то как-нибудь проживем, а вот им каково на морозе да без еды.

— Дай бог им удачи, — тихо проговорила женщина и, повернувшись к мужу, уверенно сказала: — А этот голос я где-то слышала. Но не могу вспомнить. Наверное, кто-то из знакомых партизанит...

НАУТРО в Городищах собрали всех жителей. Староста Родионов व्यюном вертелся около прибывшего в деревню со своими подручными инспектора полиции Дементьева.

Дементьев вынул исписанный лист и начал читать. Владимир Андреевич насторожился: уж очень был знакомый голос. А когда инспектор полиции выкрикнул, что в деревне обнаружены пособники партизан и среди них семья Андреевых, ясно вспомнил: «Да это же он был ночью у нас!»

(Продолжение следует).

Виктор ЛУКИН

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Документальная повесть

(Продолжение. Начало в №№ 86—90, 92).

Дальше все поплыло, как в тумане. Двое полицейских схватили жену Андреева, подтащили к замерзшей навозной куче и бросили на нее. Женщина застонала, попыталась встать, но удар в лицо свалил ее. Полицейские сдернули пальто, оголили спину, начали сечь плетьюми.

— Принимай гостинец от партизан! — зло выкрикивал Дементьев в такт ударам, — получай... получай...

Затем поролли Андреева, колхозницу Павлову и других, пожалевших в эту ночь мнимых партизан и не доложивших об этом старосте.

Несколько дней не вставала с постели Александра Павловна. Страшные, мучительные боли не давали ей сомкнуть глаз. Начались преждевременные роды. Лишь на шестой день забылась во сне. В семье Андреевых появились два близнеца.

Вскоре были арестованы, избиты и увезены в Волот Мария Матвеева, Николай Редькин из Должина и некоторые другие, не скрывшие от «партизан» и «военнопленных» своей любви к Родине и ненависти к фашистским захватчикам. Следы увезенных затерялись в гитлеровских лагерях смерти.

Такие операции по устрашению полицейские и старосты под руководством инспектора вспомогательной полиции Дементьева и его помощника Кирсанова проводили во многих деревнях.

ПОДПОЛЬНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ СОВЕТ

В Должине у старосты Егорова остановился отряд волотовских полицейских. Пьяный гомон гулявших был слышен далеко вокруг.

В доме Василия Еремеева тоже готовилась «пирушка». На столе стоял самовар, несколько тарелок с жареной рыбой. Собралось человек десять. Последним в сопровождении двух товарищей пришел Васькин.

— Знакомьтесь, — представил он своих спутников. — Елизар и Павел, оба из Дновской группы.

— Ого! — заметил кто-то. — Наши и в соседних краях завелись.

— Товарищи, — начал счастливо улыбающийся Павел Афанасьевич, — получена сводка Совинформбюро. Красная Армия перешла в контрнаступление! Фашисты бегут под Москвой, Тулой, Калинин! Мы собрались для того, чтобы ответить на это событие еще большей помощью Красной Армии и партизанам. Необходимо создать подпольно-организационный совет. Предлагаю избрать его из семи человек.

Об этой встрече подпольщиков в Должине говорится в следующем документе:

«Протокол заседания подпольного агитационного и разведывательного совета по Волотовскому району.

Присутствовали... Повестка дня:

1. Оргвопрос.

2. Перевод подпольной организации на военное положение.

Слушали: Информацию тов. Васькина по первому вопросу.

Постановили: Утвердить подпольно-организационный совет во главе с П. А. Васькиным из семи человек...

Слушали: О переводе подпольной организационной группы на военное положение. Информировал П. А. Васькин, который разъясняет цели и задачи подпольной группы, в частности, для лучшего наблюдения за немецкими войсками, нахождением их складов и т. д. За каждым членом группы закрепляется определенный участок. Так, за Елисеем Холмовым — Глухогорушенский и Крутецкий сельсоветы, Надеждой Козниной — Горицкий и Взглядский сельсоветы, Александром Немковым — Должинский сельсовет и станция Морино, Александром Ивановым — станция Волот.».

К концу собрания Васькин подошел к Козниной:

— Надежда Ивановна, партизаны просят сшить маскировочные халаты. Что могу обещать!

— Есть у меня надежная портниха — Анна Кузьминична Заина, да и я ей помогу. Но белого материала нигде не достать.

— Завтра я пришлю вам простыни. Шейте халаты попросторней. Как будут готовы, немедленно дайте мне знать.

— Павел Афанасьевич! — волнуясь, заговорила Кознина. — Что же это получается? Федоровский — член нашей организации, а согласился работать старостой.

— Понимаете, это даже очень хорошо.

— Но он же все немецкие приказы выполняет и ссылается при этом на вас, мол, вы ему так велели.

— Он что-то перепутал. Придется к нему заглянуть.

Пожимая на прощание руку Михаилу Тихову, Васькин спросил:

— Ну, а как твой Супенко, в наших рядах?

Тихов смущенно улубнулся.

— Нет. Беседовал я с ним, а он и слушать ничего не хочет.

Хуже того, поступил работать агитатором немецкого отдела пропаганды. Ездит по деревням и на общих собраниях выступает с антисоветскими докладами...

Дом Василия Еремеева подпольщики покидали уже ночью. У Егорова же все еще горел свет и раздавались пьяные голоса полицейских.

В ГОСТЯХ У ПАРТИЗАН

Штаб 2-й партизанской бригады. За столом — Васькин. Кончив писать, он еще раз прочел написанное:

«В Ленинградский областной комитет ВКП(б). Секретарю обкома тов. Бумагину Г. Х. от руководителя Волотовской районной подпольной организации Васькина П. А.

ДОКЛАДНАЯ № 3

За период с 10 декабря 1941 года по 20 января 1942 года проделана следующая работа:

1. Организована еще одна подпольная организация в Крутецком сельсовете Дновского района, в состав которой входит 5 человек. Руководитель этой организации — Холмов Алексей, член партии. Кроме того, увеличен состав членов подпольной организации за счет патриотов Родины на 5 человек в Должинской группе... Список прилагаю.

2. Членами подпольной организации распространено среди населения агитлитературы:

а) Докладов тов. Сталина о 24-й годовщине Октябрьской революции — свыше 300;

б) Листовок к красноармейцам, находящимся в германском плену, — около 200;

в) Листовок к красноармейцам, находящимся в германском тылу, — около 400;

г) Листовок «Как немцы вербуют военнопленных красноармейцев в шпионы» — около 400;

д) Листовок «Разгром немцев под Москвой» — около 100;

е) «Вести с Родины» — свыше 200 экземпляров.

Всего распространено свыше 2.000 листовок...

3. Подпольная организация, помимо агитационной работы среди мирного населения, ведет и активную разведывательную работу в городах Порхов, Дно и их окрестностях, а также по Волотовскому району.

Все собранные материалы по разведке, как-то: продвижение немцев, их вооружение, количество солдат и офицеров, расположение складов, аэродромов и т. д., лично передаю в штаб бригады или обком (штаб партизан) комбригу Васильеву и комиссару Орлову. С этим штабом партизанского движения я крепко связан в работе.

В это время в комнату вошел комбриг Васильев. Поздоровались.

— А я уж хотел за тобой связного посылать.

— В чем дело? — насторожился Васькин.

— По твоему кусту нас сейчас очень интересует положение в Порхове и Дно. Сведения хотелось бы получать регулярно.

— Это можно. У нас там надежные связи. Будем действовать.

— О наступлении наших войск под Москвой ты уже слышал? А вот о разгроме немецкого гарнизона в Холме, наверное, не знаешь? — спросил Васильев.

— По Волоту и Дно прошел слух, что немцев там здорово поколотили.

(Продолжение следует).

Виктор ЛУКИН

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Документальная повесть

(Продолжение. Начало в №№ 86—90, 92—93).

— Не только здорово, но и основательно, — стал рассказывать Николай Григорьевич. — А дело было так. Мы получили приказ разгромить вражеский гарнизон в Холме и захватить город. В ночь на 18 января наши основные силы совершили 50-километровый марш из леса к Холму, на рассвете пошли в атаку. Бой был тяжелый, но днем город был в наших руках. Уничтожили более 470 фашистов, 49 автомашин, разгромили радиоузел и все служебные помещения гитлеровцев. Верно, часть немцев спаслась за стенами церкви и тюрьмы. Мы потеряли пятьдесят два человека. Среди них командира отряда «Дружный».

— Василия Ивановича Зиновьева? — с тревогой переспросил Васькин.

— Да, умный был командир, коммунист, очень жаль...

Помолчали Васильев — предостерегающе:

— Будь поосторожнее: немцы сейчас охоту за командирами начали. Вот познакомься с их писаниной.

«Воззвание, — стал читать Васькин. — Население сим приглашается оказать содействие в поимке или обезвреживании партизанских командиров. За сведения, ведущие к поимке каждого из них, назначены

следующие вознаграждения по выбору: 6 коров, или 6 гектаров пашни, или же по половине этих обоих. В придачу ко всему этому еще 30 пачек махорки и 10 литров водки.

Кто доставит партизана или командира или комиссара мертвым, получит половину указанного вознаграждения...».

— Ну, это дудки, вряд ли такой подлец найдется, — со злостью произнес Васькин.

— Ты каждый день у них под глазами вертишься, — напомнил Васильев. — Старайся останавливаться у надежных людей и в таких местах, чтобы в случае опасности мог уйти к нам.

Николай Григорьевич Васильев — Герой Советского Союза, командир Второй партизанской бригады (январь 1942 г.).

ВИЗИТ К СТАРОСТЕ

Васькин шел по дороге не торопясь, внимательно всматриваясь в показавшуюся из-за поворота деревню. Ничего подозрительного не заметил.

— Хальт! — раздался вдруг резкий окрик.

Остановился. Из первого дома выскочили два немецких солдата, бесцеремонно обыскали. Один обшарил карманы, другой вытряхнул из заплечного мешка на дорогу сапожный молоток, дратву, гвозди, куски кожи, завернутый в тряпицу кусок хлеба. Не найдя ничего подозрительного, солдаты вопросительно уставились на задержанного.

— Я сапожник, — начал объяснять он. Немцы не понимали. Тогда Васькин взял молоток и гвозди, стал показывать, как он ремонтирует обувь.

— Гут, — проговорил один из них и, взяв «сапожника» за рукав, повел в дом. Здесь он снял с себя один сапог с почти оторвавшейся подошвой, сунул его в руки Васькину. Тот деловито осмотрел подошву. Быстро и ловко прибил ее к сапогу.

Немец улыбнулся, махнул рукой на дверь: «Иван, пошешь». Василия Федоровского Васькин застал дома. Увидев гостя, тот радостно заулыбался.

— Наконец-то пришел. Согласился я работать старостой, а теперь и сам не рад: даже свои, подпольщики, и те предателем считают.

— Видно, есть за что.

— Я же ваш приказ выполняю.

— Это так. Большое спасибо тебе за сообщение о приказах и инструкциях немцев старостам, урядникам и полицейским. Но пойми, не только для этого наш человек в старостах ходит. Он не должен способствовать укреплению германской армии. Ты будь старостой, но не выполняй ни одного их распоряжения, делай так, чтобы и население не выполняло. Как, говоришь? А вот как. Дадут немцы команду собирать теплые вещи или продукты для них — прежде чем идти по дворам, сообщи об этом кому-нибудь из наших. Пусть оповестят население, чтоб приготовились. А сам ходи с немцами, покрикивай на народ, ругайся. Надо — угости фрицев самогоном, пусть думают, что ты для них из кожи вон лезешь.

— А ведь дельная мысль, — усмехнулся Федоровский.

— Тебе, Василий, поручение: поедешь в Солецкий район. Маршрут такой — деревня Дуброво, станция Сольцы, город Сольцы, Бозино. Нужно узнать следующее: расположение немцев в этих местах, чем они вооружены, есть ли здесь склады с боеприпасами и горючим, как охраняются. Есть ли в Солецком районе аэродром и где он расположен... Поедешь на лошади — мол, надобно кое-что купить на базаре. Возьмешь два-три пуда хлеба. Я тебе их возмещу. Не забудь захватить с собой документы, что ты староста: это сильно поможет. Вернешься — все подробно расскажешь Надежде Ивановне. Я с ней буду держать связь.

КАРАТЕЛИ ЗВЕРСТВУЮТ

Мороз крепчал. Деревья, изгороди, телефонные провода — все покрылось инеем.

В этот ранний час по дороге от Волота к деревне Быстрый Берег серой лентой двигалась колонна подвод. В санях на сене сидели полицейские и несколько немцев, обхватив руками винтовки и автоматы. Ехали молча. Около дома Васиных остановились. Окружив избу, кинулись внутрь. Не успела Зинаида Терентьевна спросить незваных «гостей», что им надо, как те начали ее бить. Затем выволокли вместе с двумя малолетними раздетыми детьми на улицу, стали допрашивать:

— Партизаны у тебя были? Ночью приходили, и ты их кормила?

Женщина ничего не ответила. Ее вновь стали бить. Затем враги поставили ее к стене дома вместе с детьми, сами отошли метров на пять, шелкнули затворы. Один из полицейских — Николай Фролов поднял автомат. Женщина в ужасе закрыла глаза руками. Раздалась длинная очередь. А затем хохот полицейского.

— На этот раз тебя только попугали. Еще раз попадешься — расстреляем.

От пережитого ужаса Зинаида Терентьевна поседела, хотя ей было в то время всего 26 лет...

А вскоре этот же отряд немцев и полицейских побывал в Должино, Переходах и других деревнях. И везде каратели жестоко расправлялись с патриотами. Без суда и следствия у своих домов были расстреляны П. А. Фильков, Ф. Н. Завьялов, Г. С. Крючков, Ф. И. Федоров и многие другие.

(Продолжение следует).

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Документальная повесть

(Продолжение. Начало в №№ 86—90, 92—94).

ЧИТАЙ, МИШУТКА!

Утром у Должинской школы стала расти толпа. Стремглав кинулся к ней Миша Васильев. Издали увидел на стене белый листок, успокоился: «Не сорвали, значит, читают». Это он накануне бегал на лыжах за новыми листовками в Верехново к Тихову. Часть раздал надежным людям дорогой, а две приклеил ночью в своей деревне.

Протиснувшись поближе, он, как и все собравшиеся, с восхищением смотрел на листок. Слышались возгласы: «Вот это дали! Наконец-то немчура узнала силу русского кулака. Если так пойдет и дальше — наши скоро и к нам придут!».

А народ все подходил. В толпе раздавался спокойный голос Василия Еремеева:

— А ну-ка, Мишутка, прочти вслух, что там написано.

И Миша, прикоснувшись одной рукой к краю листка, стал громко и четко читать:

«Смерть немецким оккупантам!

К советскому населению оккупированных немцами областей. Для гитлеровских разбойников, захвативших временно ряд наших областей, наступили черные дни.

Красная Армия перешла в решительное наступление по всему фронту. Нанося сокрушительные удары по зарвавшимся врагу, войска Красной Армии освобождают советские города и села от ига немецких оккупантов.

29 ноября немцы были выбиты из гор. Ростова-на-Дону. 9 декабря от немцев освобождены города Тихвин и Елец. 15 декабря освобожден город Клин, а 16 декабря — город Калинин. От ига фашистских бандитов освобождены тысячи советских сел и деревень. Ежедневно доблестная Красная Армия освобождает от немецких оккупантов сотни населенных пунктов.

Дорогие братья и сестры из сел и городов, временно занятых немцами! Мы знаем, что фашистские разбойники причиняют вам невыносимые страдания. Но скоро этому будет конец. Красная Армия продолжает наступать. Она идет к вам на помощь и освобождает вас. Помогайте Красной Армии истреблять немецких захватчиков! Громите их тылы, уничтожайте связи! Истребляйте всех предателей, изменников Отечеству! Ведите учет всем провокаторам! Смерть немецким оккупантам!».

К толпе подошел встревоженный староста Егоров.

— Что за шум? — закричал он, пробиваясь к листку.

— Да вот какая-то бумажка здесь висит, — стал объяснять Миша. — Прочтете, а можно ли?

— погоди, я сам, — староста забегал глазами по листку, затем, зло плюнув, сорвал листок со стены и спрятал в карман.

— А ну, разойдись! Чего не видели? Брехня это. Сами знаете — немцы всю Россию прошли...

Народ расходился медленно. Глаза у многих возбужденно горели. На ходу перешептываясь, люди со злостью смотрели на Егорова и на подоспевшего к нему на помощь старшего полицейского Алексея Еремеева.

— Слышал про казнь в Больших Гривах? — тихо спросил у Василия Еремеева Немков. — Вчера в лесу нашли труп завмага Гуська. На груди записка: «Предатель Родины, фашистский агент. Расстрелян по приговору партизанского суда, именем народной совести».

— Туда ему и дорога, — спокойно ответил Василий.

НА НОВОМ МЕСТЕ

Васькин понимал, что партизаны интересуются Дновским, Порховским и Дедовичским районами не случайно. Периодически, как раньше, посылать сюда лишь Татьяну Ефремову и Нину Павловну Васильеву становилось опасно. Немцы дважды задерживали Татьяну, но пока отпускали: девушка до войны работала в Порховском районе учительницей, ее объяснение, что приезжает для устройства на работу в свою школу, не вызывало пока подозрений. У Нины Павловны здесь проживали родственники. Но часто пользоваться этими предложениями было рискованно. Павел Афанасьевич решил на время сам перебраться в эти районы, активизировать работу местных подпольщиков.

Устроился в деревне Остров Дедовичского района на квартире одного советского патриота. У местного старосты зарегистрировался как кустарь-сапожник. Вскоре установил связь с подпольщиками Порхова, станции Дно и патриотами Дедовичского района. Теперь от Васькина в штаб партизанской бригады пошла свежая, точная, интересующая Н. Г. Васильева информация.

...Это было в конце января. Павел Афанасьевич писал очередное донесение:

«Комбригу тов. ВАСИЛЬЕВУ Н. Г., комиссару тов. ОРЛОВУ С. А. от руководителя подпольной организации Волотовского района ВАСЬКИНА П. А.

Донесение о проделанной работе на 26 января 1942 г.

1. Немцев в Волоте — 500 человек. Живут в частных домах.

2. В здании льнозавода в центре Волота расположен склад оружия и боеприпасов (приметы завода — высокая труба).

3. Немцы расположились в следующих деревнях района: в Раглицах — 200 чел., в Подостровье — 30 чел., в Михалково — 700 чел., в Горках — 800 чел. В Городцах стоят два танка и 3 танкетки.

4. По шоссе Дно—Волот—Шимск 18 января прошел обоз через Городцы к Шимску в количестве 300 подвод, груженных овсом и 56 пушками разного калибра. Кроме того, по этому же маршруту движутся небольшие немецкие части (по 100—150 человек)...

5. В совхозе «Искра» Дновского района в помещении совхоза разместились 500 немецких солдат.

6. В гор. Порхов на площади города большое скопление автомашин...

7. По Солецкому району из разведки люди не вернулись; по видимому, погибли, так как прошло более 10 дней...

Через несколько дней Васькин посылает в штаб бригады более точные данные:

1. В гор. Порхове немцев около 3 тысяч человек, размещены среди мирного населения по 2—3 человека на квартире. Установить, какой полк или часть, пока не удалось.

2. Аэродром в Порхове не действует, самолетов на нем нет.

3. В город Дно прибыло немецкое пополнение около 5 тыс. человек. Всего здесь сейчас скопилось примерно 7 тысяч солдат. Немцы расположились в доме культуры и по всему рабочему поселку. Мирное население из этих домов выселено.

4. Город Дно охраняется зенитными батареями, которые расположены в следующих местах...

5. В так называемом «Третьем Дно» (недалеко от линии железной дороги) в лесу, расположен большой склад боеприпасов в количестве 14-ти штабелей. Длина штабеля 25—30 метров, а ширина 5 метров. Охраняют склад 5 человек. Зенитных батарей не имеется. Этот склад наша авиация еще не бомбила. ВАСЬКИН».

С этого времени сведения в штаб партизанской бригады из Дно и Порхова стали поступать регулярно.

(Продолжение следует).

Виктор ЛУКИН

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Документальная повесть

(Продолжение. Начало в №№ 86—90, 92—95).

ИЩЕЙКИ ЧУЮТ СЛЕД

Мановский метался по кабинету, как затравленный волк. Капитан тайной полевой полиции Гепарт (исполнявший обязанности военного коменданта станции Волот) требовал решительных мер по уничтожению подполья, но ни полиция, ни агенты так и не напали на их след.

А в районе по-прежнему взрывались склады с боеприпасами, летели под откос поезда, исчезали часовые. Старосты почти ежедневно докладывали о появлении в деревнях листовок и уходе молодежи к партизанам.

Да еще пришла депеша от капитана Эдельмана — командира Кривицкого опорного пункта, в которой говорилось, что партизаны разгромили гарнизон в Холме, убито более 400 офицеров и солдат. Такой же налет они могут совершить и на Волот, Дно или другой населенный пункт.

В депеше также сообщалось, что командует партизанами офицер Васильев. По агентурным данным, он должен пройти с группой в 3—4 человека где-то около Должина по направлению к железной дороге Дно—Старая Русса. Эдельман предлагал принять все меры к задержанию Васильева живым или мертвым. Для опознания командира партизанского отряда прилагалась фотография.

По приказу Мановского в управу срочно были вызваны из Должина, Соловьева и других близлежащих сел старосты П. Фишин, В. Егоров, старшие полицейские А. Еремеев, В. Александров и другие.

Помощник инспектора вспомогательной полиции С. Кирсанов, специально прибывший из Кривиц, показывал каждому вызванному фото и предлагал хорошо запомнить изображенного на нем человека.

— О награде на поимку любого командира партизан вы знаете, но за этого немецкое командование заплатит во много раз больше, — пообещал Мановский. — А сейчас требую, чтобы каждый из вас сообщил, кого вы подозреваете в связях с партизанами у себя в деревне. Подумайте.

В кабинет боком протиснулся староста Егоров. Робко подошел к столу и встал перед Мановским по стойке смирно.

— Имею подозрения...

Мановский насторожился: «Говори!»...

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ НЕМКОВА

На другой день отряд полицейских прибыл в Должино. Возглавлял его Д. Молотков. Этот в свое время раскулаченный выродок вначале работал у немцев конюхом в комендатуре, затем

выслужился до начальника волотовской полиции, старался угождать своим хозяевам изо всех сил.

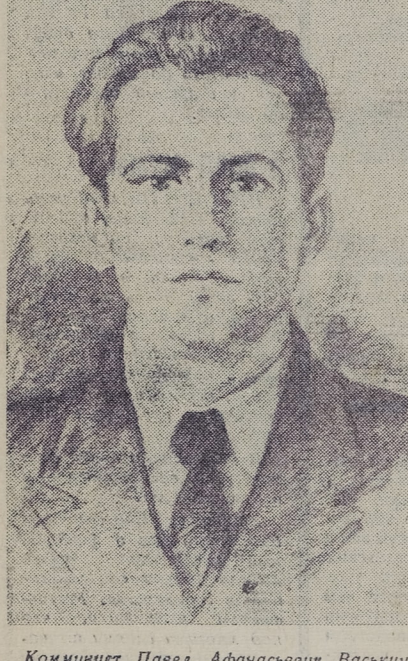
— В каком доме Немков живет? — спросил он у старосты Егорова.

— Пойдемте, я сам проведу, — выждался тот, а затем перешел на шепот: — Господин начальник полиции, этот Немков очень сильный и решительный. Вы его дом вначале окружите, а то убежит. Мне же здесь тогда не жить.

— Это он тебе мешает?

— Очень. Принимаю, подобрал я человек 10 местных мужиков в полицейский отряд, а он пронюхал, побеседовал с ними, многие теперь отказываются. Да и знакомства у него подпольные, а?

лучше сделайте

Коммунист Павел Афанасьевич Васькин — руководитель подпольной разведывательной организации.

ные. По ночам кто-то к нему ходит. Уж ему «капут», а?..

Избитого, со связанными руками, под усиленной охраной полицейских Немкова увезли в Волот.

В небольшой, полной табачного дыма комнате за письменным столом сидели Гепарт, Молотков и Мановский. У противоположной стены стоял Немков. Рубашка на нем была разорвана и запятнана кровью.

Кинув недокуренную папироску под стол, Молотков подошел к арестованному:

— Значит, не коммунист?

— Нет.

— Так чего же ты упираешься? Расскажи, кто и зачем приходил к тебе от партизан. Сегодня же домой отпустим..

Немков чуть приподнял голову. Блеснули строгие глаза. Разбитые в кровь губы скривились в презрительной усмешке.

— Последний раз спрашиваю. Ты же молодой. Тебе жить да жить. Подумай хорошенько.

— Сволочи вы все. Продажные шкуры. Вам, собакам, и отца продать ничего не стоит. Если бы я мог — всех бы перестрелял, как собак...

— А, ты еще грубишь? — визгливо вскрикнул Мановский. И, вскочив со стула, дважды ударил Немкова рукояткой пистолета по голове. Александр упал.

Мороз крепчал. Сизая дымка окутала деревню Хотяжа. За околицей, по направлению к кладбищу, двигались люди. Впереди, со связанными руками, шел высокий мужчина без пальто и без шапки, в порванной окровавленной рубашке. Это был Немков. Он, казалось, не замечал холода. Рядом шел Михайлов — советский активист из деревни Кривицы, и молодой мужчина в форме красноармейца.

Сзади с пистолетом в руке семенил полицейский Танков. А чуть поодаль, метрах в шести, с группой полицейских вышагивали Молотков и немецкий унтер-офицер.

— Здесь, — сказал он и указал на небольшую яму, засыпанную снегом.

— Может, одумался? — спросил еще раз у Немкова Молотков. Расскажешь — будешь жить.

— Это еще не самое страшное, — проговорил Немков.

— А что же страшнее?

— Когда русский человек превращается в прихвостня своего врага. В человека без Родины и совести...

— Огонь! — в бешенстве выкрикнул Молотков.

Грянул залп. Михайлов и красноармеец упали. А Немков остался стоять. Струйки крови потекли по его рубашке, закапали на снег. Танков, вскинув винтовку, еще дважды выстрелил. Александр качнулся. Расставив ноги чуть пошире, с ненавистью продолжал глядеть в глаза полицейскому. Тот дрожащей рукой пытался загнать в ствол очередной патрон, но его заело. Тогда Молотков, выхватив из кобуры пистолет, подбежал к арестованному и в упор выстрелил ему в голову.

(Продолжение следует).

Виктор ЛУКИН

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Документальная повесть

(Продолжение. Начало в №№ 86—90, 92—96).

ПОЩАДЫ НИКТО НЕ ПРОСИЛ

Крушение воинского эшелона на разъезде Мяково взбесило немцев. В Волот срочно был направлен карательный отряд, затем со станции Дно прибыл и зондерфюрер Краузе. Вызвал к себе командира карательного отряда оберлейтенанта Шпицке, Мановского и Молоткова.

— Господа, — начал он совещание, — положение чрезвычайно серьезное. Партизаны становятся хозяевами положения в нашем крае. Разгром наших гарнизонов, крушение воинских поездов, точная бомбежка складов и воинских казарм. И все это у вас под носом!..

Краузе обратил особое внимание на выполнение приказа генерал-полковника фон Буша, в котором говорилось:

«1. Партизаны, захваченные во время активной борьбы, расстреливаются немедленно.

2. Отдельные партизаны берутся в плен и допрашиваются. После произведенного допроса они расстреливаются.

3. Лица, подозреваемые в партизанской деятельности, расстреливаются».

— Вы очень плохо выполняете этот приказ, особенно последний пункт, — подчеркнул зондерфюрер. — Немедленно нацельте на выявление подполья, его связей с партизанами всех агентов, полицейских, урядников и старост. Не позже, чем через двое суток, список всех подозрительных лиц, проживающих в районе, должен быть у меня.

В конце совещания было принято решение, которое уложилось в несколько строк: «Следить за каждым человеком... Всех подозрительных расстреливать».

На другой день в Волот к капитану Гепарту и начальнику управы Мановскому были вызваны все старосты и урядники. Гепарт лично проинструктировал их. Первым составил список подозрительных лиц по своей деревне староста Егоров. Вслед за ним сдал такой же документ староста Крылов из Больших Грив и некоторые другие.

В списки подозреваемых попали фамилии многих подпольщиков.

ПОЛИЦЕЙСКИЕ на нескольких подводах въехали в Верехново. Подстегнув лошадей, направились прямо к дому Тихова. Сани еще не остановились, а полицаи с винтовками в руках бросились к двери. Распахнув ее, ворвались в дом. Как псы, накинулись на хозяина: до полусмерти били прикладами, сапогами. Связав, бросили на сани. Сюда же притащили и его тринадцатилетнего сынишку Тимофея. Потом бросились обшаривать дом, забрали все, что нашли: тулупы, белье, скатерти, продукты и даже детские поношенные ботинки. Затем полицаи забили овец, козу и кур — все это погрузили на подводы и уехали в Волот.

Семья Тихова была обречена на голодную смерть.

В Должине полицейские сперва остановились возле дома Васильевых. Сорвав с петель дверь, ворвались внутрь.

— Васильева и Васильев Михаил, одевайтесь! Арестованы оба! — послышалась команда.

Нина Павловна отпрянула от незваных гостей, затем, поборов испуг, спокойно сказала:

— Одевайся, Мишенька.

В этот же день в Должине были арестованы Анна Ивановна Иванова, Василий Федорович Еремеев, Татьяна Ефремова. Много патриотов было схвачено в Больших Гривах, Дергалеце, Гордках и в других деревнях.

Арестованных — а их было более сорока — привезли в Волот и заперли в каменном неотапливаемом доме, что стоял недалеко от комендатуры. Женщин и детей поместили отдельно. Сразу же начали поочередно водить на допросы в здание военной комендатуры. Допрос вели Краузе, Гепарт, Мановский, избивать и калечить арестованных им помогали оберлейтенант пан Шпицке, Молотков и полицаи. Били и истязали продуманно, методично, жестоко. После допроса полицейские волоком тащили обессиленных арестованных обратно в холодную камеру. На глазах Нины Павловны пытали Мишу. На глазах Миши пытали мать. И так несколько дней...

Но ни голод, ни холод, ни жесточайшие побои не сломили патриотов. Они понимали, что им спасения нет, но о товарищах по борьбе, о связях с партизанами так ничего и не рассказали врагу.

«ЗА НАС ОТОМСТЯТ!»

Краузе понимал, что подпольная организация еще не разгромлена. Гитлеровцам не было известно, кто ее руководитель и где скрываются остальные. Волотовская тюрьма битком набита подозрительными, а нащупать центр так и не удалось.

В кабинете Краузе сидели Шпицке и Мановский.

— Бесплезно с ними возиться, — зло ворчал Шпицке, ставя против фамилий арестованных крестики.

Краузе утвердительно кивал головой.

Утром 4 февраля полицейские широко распахнули двери тюремных камер. Переводчик, держа в руке список, громко выкрикивал:

— Нина Васильева, Михаил Васильев, Анна Занина, Татьяна Ефремова, Василий Еремеев, Михаил Тихов, Александр Иванов... Выходи!

Всего в это утро вывели из тюрьмы 23 патриота.

Арестованные медленно стали собираться. Нина Павловна, предчувствуя недоброе, обняла Мишу и пристально посмотрела ему в глаза.

— Что ты, мама?

— Да так, — грустно ответила она и, заметив, что среди вызванных произошло какое-то замешательство, громко сказала:

— Выше головы, товарищи!

Поддерживая слабых, избитые и полураздетые заключенные под конвоем шли на пустырь. Около большой ямы у развалин Волотовской МТС их остановили. Полицейские отошли в сторону, лязгнули затворами.

Поняв, что пришел конец, Нина Павловна побледнела, прижала сына к себе.

Полицейские молча взяли винтовки и автоматы на изготовку.

Вдруг, оттолкнув Мишу в сторону, Нина Павловна вышла чуть вперед.

— Прошу вас... меня первой... пусть он...

Ей не дали договорить. Раздались два выстрела, и Миша упал лицом в снег.

— Будьте вы прокляты!.. Изверги!.. — мать двинулась вперед, на полицаев.

Раздался залп. Упали Нина Павловна, Тихов, Еремеев и еще кто-то. И вдруг из группы оставшихся еще в живых прозвучал звенящий, совсем еще юный голос Татьяны Ефремовой:

— Умираем за Родину... За нас отомстят!

ВОЗМЕЗДИЕ

И партизаны отомстили за своих разведчиков. Утром 4 февраля каратели учинили жестокую расправу над волотовскими подпольщиками, а уже в ночь на 5 февраля, пользуясь данными разведки о том, что в селе Яски расположен батальон СС численностью 270 человек, партизаны по сигналу ракеты ворвались в деревню. Ночной бой закончился полной победой народных мстителей. Противник оставил на поле боя 20 офицеров и 151 солдата. Партизаны потеряли убитыми лишь 13 человек.

Еще не опомнились гитлеровцы после налета партизан на Яски, а комбриг Васильев решил нанести удар по Дедовичам, крупной железнодорожной станции. Он узнал от разведчиков, что в Дедовичах более тысячи немецких солдат. Вокруг станции — донастроены блиндажи и окопы, колючая проволока в несколько рядов. Поэтому к штурму готовились основательно и расчетливо.

(Продолжение следует).

Виктор ЛУКИН

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Документальная повесть

(Продолжение. Начало в №№ 86—90, 92—97).

В середине февраля Павел Афанасьевич получил от Васильева записку:

«Просим уточнить следующие данные:

1. Количество немцев в Порхове, Дно, Волоте.
2. Возможность их переброски из одного района в другой (сколько имеется автомашин, самолетов и других средств передвижения).
3. Расположение складов с горючим и боеприпасами.
4. Движение железнодорожных поездов.
5. О всех изменениях в расположении немецких воинских частей, складов, вводе в действие дорог... немедленно информируйте».

Васькин срочно дал команду подпольщикам раздобыть необходимые данные. Вскоре из деревни Остров связной понес в штаб бригады ответ:

«1. В Порхове немцев свыше 3 тыс. человек. Размещены в военном городке. Здесь же стоят 120 автомашин, замаскированных брезентом и елками. Кроме того, на шоссе в сторону Дно стоит еще 250 машин. Все они исправны, но не используются: ввиду заноса дорог. Машины ходят лишь по городу. А из Порхова в Дно ездят на лошадях. Начали расчистку дороги Дно—Порхов.

2. В Порхове немцы начали использовать аэродром. На нем постоянно находится около 100 самолетов.

3. В Дно немцев около 3 тыс. человек. Размещены в рабочем поселке, клубе и в частных квартирах. На 16 февраля 1942 года на железнодорожной станции наблюдалось большое скопление составов, груженых горючим, боеприпасами и т. д.

4. Склады с горючим расположены там же, где и склады с боеприпасами, т. е. в тех местах, о которых я ранее уже сообщал.

5. В Волоте (поселок) немцев — до 1 тысячи человек, в Мяково — 500 человек, Городцах — 150 человек, в Шиловой Горе — 300 чел., Городок — 200 чел.

6. Из города Старая Русса и близлежащих деревень все мужчины от 16 до 55 лет вывозятся немцами в Псков.

7. Гитлеровцам стало известно, что в районе деревни Должино должен пройти товарищ Васильев. На его опознание направлены все старосты и полицейские близлежащих сел».

В ночь на 22 февраля со всех сторон к поселку Дедовичи стали стягиваться партизаны. В половине пятого утра начался бой. Руководили им Васильев и Орлов. Вначале фашисты яростно сопротивлялись, но это не остановило партизан. Они мужественно очищали улицы от немцев. К рассвету сопротивление врага было сломлено. Взорвав мост через реку Шелонь, захватив большие трофеи, партизаны благополучно вернулись на свою базу.

К исходу дня Васильев и Орлов сообщали партизанскому отделу фронта и Ленинградскому штабу: в результате налета на Дедовичи, совершенного 2-й партизанской бригадой в ночь с 21 на 22 февраля, уничтожено 650 немецких солдат и офицеров, большой склад боеприпасов, разбито 30 эшелонов, взорван мост через реку, разрушено путевое хозяйство, движение на железной дороге прервано.

Партизаны потеряли в том бою 58 убитых и имели 78 раненых.

«К ПАНУ ШПИЦКЕ»

Не ушел от возмездия и карательный отряд обер-лейтенанта пана Шпицке, участвовавший в расстреле подпольщиков. В

конце февраля гитлеровское командование предприняло попытку уничтожить партизан. Оно

стало в строгой тайне стягивать к Партизанскому краю свои войска, карательные и полицейские отряды.

Но оставшиеся в живых подпольщики продолжали действовать, регулярно передавали сведения о враге.

В штабе партизанской бригады собралось экстренное совещание. Васильев читал только что

полученное от подпольщиков донесение: «Карательный отряд, действовавший в Волотовском рай-

оне вместе с полициями, в ночь на 20—21 февраля двинулся в сторо-

ну деревни Тюриково, чтобы объединиться там с другим отрядом для внезапного нападения на вас. Командиром этой экспедиции назначен обер-лейтенант Шпицке. Вместе с ним из Волота вышло 400 карателей и полицейских, которые имеют следующее вооружение: 10 пулеметов, 3 миномета, 200 автоматов и около 200 винтовок. В распоряжении отряда имеется две радиостанции».

Удачно прошел бой по разгрому фашистского карательного отряда в деревне Тюриково. Накануне наступления в руки партизан попало шесть «языков», от которых удалось узнать пароль.

Поздно ночью отряд партизан, переодетых в форму полицейских, подъехал на нескольких саних к Тюрикову.

— Стой! Кто идет? — раздался окрик часового.

— К пану Шпицке, — последовал условный пароль.

— Проезжай.

— А как к командиру попасть?

— Вот к тому дому... — часовой, не договорив, упал на дорогу, проколотый клинком в грудь.

Каратели расположились в деревне, как у себя дома. Они верили в свою неуязвимость. И когда неожиданно раздался выстрел и взрывы гранат, в панике стали выскакивать из изб в одном белье. Расправа была короткой. Более трехсот фашистов остались лежать на снегу, десятки были взяты в плен, сам пан Шпицке не смог вырваться из огненного кольца: пуля партизан навсегда «успокоила» фашиста.

На рассвете обоз в 63 подводы вышел из Тюриково. Это партизаны везли богатые трофеи.

ОБОЗ В ЛЕНИНГРАД

Только что 2-я бригада разгромила гитлеровцев в Дедовичах и Тюрикове, а в деревнях Партизанского края, по инициативе Васильева и Орлова, уже готовились собрания жителей по сбору продуктов для голодающего Ленинграда.

Под руководством председателя дедовичской тройки А. Г. Порущенко в одной из деревень собрались на совещание председатели сельсоветов и активисты Партизанского края. Один из первых взял слово председатель Паревичского сельсовета Дмитрий Баранов:

— Мы организуем обоз, товарищи! Я так считаю: каждый колхоз может собрать подводу продуктов. Вот у нас десять колхозов. И меньше десяти подвод мы не дадим.

Собрание единодушно поддержало это предложение. Решили немедленно организовать сбор продовольствия. Представители от партизан разъехались по деревням Партизанского края, разъясняли населению цель сбора продуктов и везде встречали поддержку.

(Продолжение следует).

Виктор ЛУКИН

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Документальная повесть

(Окончание. Начало в №№ 86—90, 92—98).

Васькин, Засорин, Воробьев, Иванов и Смирнов прибыли в деревню Великая Нива Дедовичского района для организации обоза с продовольствием. Дело шло успешно. Собрание единодушно решило послать продовольствие осажденному Ленинграду. А когда жители стали подписывать письмо в Кремль, неожиданно нагрянул отряд карателей. Завязался неравный бой. Окруженные со всех сторон патриоты отбивались до последнего патрона. Много было перебито в этом бою гитлеровцев, но ни Васькину, ни другим партизанам уйти не удалось. Дольше всех отстреливался Семен Засорин, но и его автомат вскоре умолк. Подбежавший каратель повернул тяжелораненого Засорина лицом вверх, заметив, что у него чуть дрогнула бровь, дважды в упор выстрелил в грудь.

Были случаи, когда во время собраний и в другие деревни врываются каратели, расправляются с колхозниками. Но ничто не смогло остановить доброго порыва людей. В начале марта обоз в 233 подводы с хлебом, мясом и маслом тронулся в путь. Его сопровождали мужественные и смелые люди. Они сумели через линию фронта доставить голодающим ленинградцам продукты и письмо, подписанное более чем тремя тысячами партизан и колхозников:

«Дорогие товарищи ленинградцы! — говорилось в нем. — Немецкие разбойники хвастают, что они заняли наши районы, но в этих районах они стоят, как в осажденной крепости, и земля горит у них под ногами. Партизаны и колхозники — советские люди, глубоко преданные матери-Родине... вот кто является настоящими полновластными хозяевами наших районов... Ни карательные экспедиции, ни жестокие расправы с мирными жителями — ничто не сломило и не сломит нашей воли к победе».

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

— Очнулся я уже у своих, — рассказывает один из друзей Павла Афанасьевича Васькина — Семен Засорин. — Разведчики Первой ударной армии случайно натолкнулись на меня и подобрали. А медики совершили чудо — воскресили меня. С болью в сердце я потом узнал, что в тот час, когда меня расстреливали, героически погиб прекрасный товарищ, стойкий коммунист Павел Афанасьевич Васькин.

Да, это был до конца преданный Советской Родине человек.

Детство и юность были у Павла Афанасьевича трудными, порою горькими и голодными. Родился он в 1913 году в селе Борок Шилловского района Рязанской области. В 1918 году умерла мать, а вскоре и отец. Судьба беспризорника забросила мальчонку в поисках хлеба в Поддорский район Новгородской области. Здесь он пас у кулаков скот. Советская власть взяла его в детский дом, привела в школу, затем в институт. До войны П. А. Васькин работал учителем, инструктором райкома

Миша Васильев — пионер, связной Волотовской подпольной разведывательной организации.

ВЛКСМ, в финансовых органах Поддорского и Солецкого районов. В годы войны ему было поручено ответственное и опасное дело — руководить подпольной агитационно-разведывательной организацией. Он с честью справился с ним.

Подпольщики Федор Хохлов и Владимир Архипов после гибели Васькина ушли в Советскую Армию. Оба пали в 1944 году в боях с немецко-фашистскими оккупантами.

Не дожили до конца войны Матвей Федоров, Федор Васильев, Василий Васильев и Мария Емельянова — их скосили голод и болезни.

Новгородские чекисты многое сделали, чтобы не остались безнаказанными преступные дела предателей. Фашистские прихвостли бежали вслед за своими хозяевами в Германию. Но многих все же настигло возмездие. Как ни маскировали они свой след, жили под чужими фамилиями, меняли места жительства и т. п., все же были разысканы и посажены на скамью подсудимых.

Такие заклятые враги советского народа, как Д. Молотков, И. Дементьев, С. Кирсанов, приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Н. Фролов, А. Танков, В. Егоров, В. Зимин, М. Сотов, И. Фишин и другие осуждены на длительные сроки тюремного заключения. Все они во время судебного процесса подробно рассказали о своих черных делах в годы фашистской оккупации, а также о стойкости и мужестве подпольщиков, любовь которых к Советской Родине была сильнее смерти.

Родина не забыла своих верных сынов и дочерей. За мужество и отвагу, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны, Президиум Верховного Совета СССР наградил участников Волотовского подполья:

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

ВАСЬКИНА Павла Афанасьевича (посмертно), ЕФРЕМОВУ Татьяну Федоровну (посмертно), НЕМКОВА Александра Ивановича (посмертно).

ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ I СТЕПЕНИ

ВАСИЛЬЕВУ Нину Павловну (посмертно), ЗАНИНУ Анну Кузьминичну (посмертно), ТИХОВА Михаила Тимофеевича (посмертно).

ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ II СТЕПЕНИ

ВАСИЛЬЕВА Михаила Александровича (посмертно), ИВАНОВУ Анну Ивановну (посмертно), КОЗНИНУ Надежду Ивановну (посмертно).

...Стройными рядами стоят пионеры Волотовской средней школы. Слышно, как председатель совета отряда докладывает старшему пионервожатому:

— Отряд имени Миши Васильева к торжественному сбору готов!

Миша Васильев... Образ его стал для всех новгородских школьников символом верности Родине, беззаветного мужества и героизма. И долго будет жить имя маленького подпольщика, зовущее пионеров на славные дела.

А если проехать по большаку через Волот и свернуть на юго-запад, то попадешь в один из крупных совхозов, который носит имя Павла Афанасьевича Васькина. Каждый знает, чье имя носит это хозяйство, и считает своим долгом трудиться так, чтобы оправдать ставшее легендарным имя подпольщика-коммуниста.